

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XLIX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1953

М. К. КАРГЕР

«ЛЕТСКАЯ БОЖНИЦА» ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

I

В Повести временных лет и в Киевской летописи XII в. с 1015 по 1154 г. неоднократно упоминается урочище, фигурирующее под названиями: Лъто, Лто, Альто, Алто, Олто. Однажды это же место названо «Летским (Лядьским) полем». Летописные известия сообщают обычно или о временном расположении на Лъте войска киевского князя, направлявшегося в поход на кочевников, или же о больших сражениях с ними.

Летом 1015 г. сын Владимира Святославича князь Борис выступил в поход против печенегов. Не найдя их в южнорусских степях и возвращаясь домой, Борис узнал о смерти отца. Не дойдя до Киева, князь со своей дружиной «ста на Лъте, пришед»¹. Здесь, в походном шатре, его настигли убийцы, посланные «на Лъто» братом Святополком².

Четыре года спустя, в 1019 г., Святополк, бежавший незадолго перед этим к печенегам, заручившись их помощью, вступил на Русскую землю «в силе тяжьце». Князь Ярослав, сидевший на киевском столе, «собра множество вой» и вышел навстречу «на Лъто»³. Полки Ярослава расположились на месте убийства Бориса. В ожесточенной битве между братьями «покрыша поле Летское обои от множества вой». Сеча на Летском поле, продолжавшаяся от восхода солнца до вечера, по словам летописца, была столь кровопролитна, «яка же не была в Руси». К вечеру полки Святополка были разбиты, а сам он бежал «в Ляхи»⁴.

В 1068 г. было первое крупное нашествие половцев на Русь. Половецкие орды прорвались через Переяславскую землю и подходили к Киеву. Навстречу им «на Лъто» двинули свои полки князя Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославичи. Киевская рать была разбита наголову⁵.

В течение первой половины XII в. урочище «Лъто» упоминается в Киевской летописи еще несколько раз в качестве места стоянки войска киевских князей на расстоянии одного перехода от Киева по левому берегу Днепра в направлении на Переяслав.

В 1147 г. киевский князь Изяслав Мстиславич, идя походом против своего дяди Юрия Долгорукого, собрал «множество вой», выступил из

¹ Лавр. лет. под 6523 (1015) г. То же известие под тем же годом в Ипат. лет. и в «Сказании о Борисе и Глебе» («Памятники древнерусской литературы», вып. 2. Птг., 1916, стр. 32, 34).

² Там же.

³ Лавр. лет. под 6527 (1019) годом.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Киева «и иде на Лто», откуда двинулся далее к Нежатию⁶. Два года спустя, в 1149 г., тот же князь, снова в походе против Юрия, перешел со своим войском Днепр у Витичева «и оттуду поидоста во Лто», откуда двинулся дальше к Переяславу⁷.

В 1152 г. киевский князь Вячеслав Владимирович вместе с Изяславом Мстиславичем выступил против Святослава Ольговича, сидевшего в Новгороде. Отойдя от Киева, они остановились «на Лте», где Изяслав уговорил Вячеслава вернуться в Киев, а сам двинулся в дальнейший путь на Новгород⁸.

II

Спустя сто два года после убийства Бориса, в 1117 г., князь Владимир Мономах заложил на Лте каменную церковь Бориса и Глеба. «Повесть временных лет» сообщает: «В лето 6625 Володимер Всеволодич заложил церковь камену святоу мученику»⁹.

19 мая 1125 г. Владимир Мономах умер, находясь, по словам летописца, «на Лте у милое церкви, юже созда потщаньем многым»¹⁰. Характеризуя деятельность умершего князя, летописец еще раз упоминает «церковь прекрасну», выстроенную «на Лте», на месте убийства Бориса¹¹.

В 1154 г. церковь Бориса и Глеба была сожжена половцами, вновь прорвавшимися к Летскому полю. Летописец сообщает по этому поводу: «Тогда же много зла створиша половци около Переяславля: пожгоша бе села вся и Летскую божницу святоу мученику зажгоша»¹². В Ипатьевской летописи этот рассказ имеет некоторое отличие: «...и пожгоша села вся и Лягскую божницу и (! — М. К.) святоу мученику Бориса и Глеба храм зажгоша»¹³. Отличает Летскую божницу от церкви Бориса и Глеба, называя ее к тому же монастырем, и пространный текст Никоновской летописи: «Того ж лета паки приидоша половци, и много зла сотвориша около Переяславля власти и села пожгоша, и монастырь Рожество пречистыа Богородици и монастырь святых мученых Бориса и Глеба, и монастырь святого Савы и Летскую божницу, в ней же множество богатства, все разграбиша и пожгоша, а люди в плен поведоша»¹⁴.

Разногласие текстов Лаврентьевской и Ипатьевской летописей давно уже обращало на себя внимание исследователей и вызывало различные толкования. Так, М. А. Максимович, возражая Арцыбушеву, отождествлявшему Летскую божницу с выстроенной Мономахом церковью Бориса и Глеба на Лте¹⁵, считал, что Летская божница — часовня, которая была выстроена на месте убийства Бориса не позже 1073 г. и существовала в 1154 г. «отдельно от Мономаховой церкви», возле нее¹⁶. М. А. Максимович

⁶ Ипат. лет. под 6655 (1147) годом.

⁷ Там же, под 6657 (1149) годом.

⁸ Ипат. лет. под 6660 (1152) годом.

⁹ Лавр. лет. под 6625 (1117) годом. В Ипатьевской летописи под 6625 (1117) годом уточнено место постройки: «Того же лета... Володимер и церковь заложил на Лте мученику». Ср. также известия о постройке церкви Бориса и Глеба в Льв., Рогож., Никон. и Густ. лет. под тем же годом.

¹⁰ Лавр. лет. под 6633 (1125) годом; ср. Воскр. лет. под 6633 (1125) годом, где сказано: «преставился же ся на Лте у любовныя ему церкви...» и Степенную книгу: «...всегда си во умилении препровождая дни своя и у любовныя ему церкви, иже на Альте св. мученик Бориса и Глеба пребывая...» (л. 333 об.—334).

¹¹ Лавр. лет. под 6633 (1125) годом; ср. Воскр. лет. под 6633 (1125) годом: «...церковь воздвиже прекрасну на Лте, каменнем составлену».

¹² Лавр. лет. под 6662 (1154) годом; то же известие в Льв. лет. и Лет. Переяславля-Суздальского под тем же годом.

¹³ Ипат. лет. под 6662 (1154) годом.

¹⁴ Ник. лет. под 6662 (1154) годом.

¹⁵ Арцыбушев. Повествование о России, т. I, стр. 68, 152.

¹⁶ М. А. Максимович. Сказание о празднике св. Бориса под Переяславлем. Собр. соч., т. II. Киев, 1877, стр. 33, прим. 1.

ссылался на то, что «в Киевской и многих других русских летописях Мономахова церковь и божница Летская различаются явственно»¹⁷. Текст Лаврентьевской летописи, с пропуском союза «и» после слова «божницу», он считал испорченным переписчиками, полагая к тому же невероятным, чтобы великолепная каменная церковь называлась «божницею»¹⁸.

Мнение М. А. Максимовича справедливо опровергал А. В. Стороженко, считая текст Лаврентьевской летописи более точным и первоначальным¹⁹. Полагая, что значение слова «божница» (для XII века) позволяет считать Летскую божницу храмом Бориса и Глеба, выстроенным Владимиром Мономахом на Лыте, А. В. Стороженко утверждал, что позднейшие переписчики, утратившие понимание слова «божница» и находившие, что прекрасная каменная церковь Мономаха не могла называться «божницею» (т. е., по их представлению, — часовней), добавили после слова «божницу» союз «и», тем самым превратив Летскую божницу и Мономахову церковь в два отдельных, самостоятельных сооружения. Составитель Никоновской летописи пошел в этом отношении еще дальше, назвав Мономахову церковь монастырем²⁰.

К соображениям А. В. Стороженко, высказанным в общей форме, можно добавить, что слово «божница» в текстах древних летописей не раз употреблено в отношении к монументальным каменным постройкам. Так, в летописном рассказе о событиях 1152 года в Галиче «божницею св. Спаса» названа церковь на княжьем дворе, связанная переходом с дворцом («...и якоже съеха Петр с княжа двора и Володимер поиде к божнице к святому Спасу на вечернюю и якоже бы на переходех до божницы и ту види Петра едуща и поругася ему...»)²¹.

«Божницею» же названы в 1175 г. дворцовый белокаменный храм в Боголюбове [«...внесоша и (убитого князя Андрея.— М. К.) в божницу, певше над нимъ, вложиша и в гроб каменъ»]²² и маленький храм Остерского городка («...разведоша Городок Гюргев и пожгоша и и божницу же св. Михаила, верх бяше нарублен деревом»)²³. «Новгородской божницей» называет Киевская летопись церковь Михаила, стоявшую в Киеве на Подоле²⁴. В Киеве же упоминается «Турова божница», около которой собирается киевское вече в 1146 г. («...и скупышася вси кияне у Туровы божницы»)²⁵.

В Новгородской I летописи слово «божница» употреблено по отношению к большому соборному храму Антониева монастыря («испсаша божницу Антонову в монастыре»)²⁶.

III

После 1154 г. Летская божница Бориса и Глеба и самое урочище Лыто в летописях не упоминаются.

Несмотря на достаточную топографическую точность летописных рассказов о многочисленных событиях на Лыте, вопрос о локализации этого исторического урочища, а тем самым и вопрос о местонахождении Монома-

¹⁷ М. А. Максимович. Сказание о празднике св. Бориса под Переяславом. Собр. соч., т. II. Киев, 1877, стр. 33, прим. 1.

¹⁸ Там же. Лишь в качестве курьеза можно вспомнить мнение Евгения Болховитинова, считавшего Летскую божницу за польскую (лятскую) католическую напличку. «Описание Киево-Софийского собора». Киев, 1825, стр. 62.

¹⁹ А. В. Стороженко. Очерки Переяславской старины. Исследования, документы и заметки. Киев, 1900, стр. 22.

²⁰ А. В. Стороженко. Ук. соч., стр. 22—23.

²¹ Ипат. лет. под 6660 (1152) годом.

²² Лавр. лет. под 6683 (1175) годом.

²³ Ипат. лет. под 6660 (1152) годом.

²⁴ Там же, под 6655 (1147) годом.

²⁵ Там же под 6654 (1146) годом.

²⁶ Новг. I лет. под 6633 (1125) годом.

ховой божницы, вызывал различные толкования. Так, М. А. Максимович полагал, что Летское поле, Мономахова церковь Бориса и Глеба и Летская божница, которую он, как отмечалось выше, считал самостоятельной постройкой, находились в трех километрах от г. Переяслава в районе сел Борисовка и Глебовка²⁷. Это мнение было основано на достаточно древней, хотя и ошибочной, традиции. Еще в 1660 г. киево-межигорские монахи получили от царя Алексея Михайловича грамоту на построение монастыря «на крови св. Бориса» — недалеко от г. Переяслава, на левом берегу р. Ильтицы²⁸. В 1664 г. переяславский протопоп Г. Ф. Бутович и стрелецкий голова С. К. Белый водрузили там каменный крест, отметив им предполагаемое место смерти кн. Бориса²⁹. Традиция эта была надолго закреплена в 1839 г., когда возле креста была сооружена каменная церковь во имя Бориса и Глеба, считавшаяся храмом «на крови»³⁰.

В 90-х годах XIX в. в собрании актов Киевской археографической комиссии делопроизводителем этой Комиссии О. И. Левицким была обнаружена «Выпись из книг земских воеводства Киевского от 30 июня 1629 г.», опубликованная вскоре А. В. Стороженко³¹. Найденная выпись представляет собою жалобу игумена киевского Пустынно-Никольского монастыря Серапиона Бельского с братиею, которые вели процесс с Софией Станиславовной Данилович, урожденной Жолкевской, из-за земель на левой стороне Днепра, принадлежавших монастырю и незаконно присвоенных ее отцом, коронным канцлером Станиславом Жолкевским. В жалобе упоминается «двор на кпрунте церковном Полукняжевском в окопе, албо в вале Полукнязском, в котором и церковь спустошонная на крве, где княжати русского, именем Бориса Володимеровича, забито, змурованая и до сего часу стоит»³². По словам жалобы, Жолкевский «коло того валу, церкве и дворца, через себе збудованое местечко осадил и Барышподем назвал»³³.

Из жалобы монахов Пустынно-Никольского монастыря явствует, что с. Борисполь, расположенное ныне на полпути из Киева в Переяслав-Хмельницкий, в конце XVI—начале XVII в. называлось «кгрунтом Полукняжевским». Купленное монастырем у толмача Солтана Албеевича более чем за сто лет до 1629 г., оно было захвачено коронным канцлером Станиславом Жолкевским, который основал здесь местечко, назвав его Борисполем. В 1629 г. тут существовал еще не только «окоп, или вал Полукнязевский», но и руины древнего каменного храма, построенного Владимиром Мономахом. Около церкви находился «дворец», т. е., повидимому, двор, усадьба с постройками, среди которых, возможно, были и остатки древних построек Мономаха.

Драгоценные сведения, почерпнутые из выписи 1629 года, можно дополнить известием, сообщенным Павлом Алеппским, сопровождавшим патриарха Макария в его путешествии по России и Украине в середине XVII в. Павел Алеппский писал: «Во вторник, в полдень, проехав пять миль, мы прибыли в торговое местечко, с цитаделью и укреплениями, по имени Борисполь, т. е. город Бориса, сына царя Владимира. Как рассказывают,

²⁷ М. А. Максимович. Ук. соч., стр. 330—339. Вслед за М. А. Максимовичем с. Борисовку ошибочно отождествлял с древним урочищем Лыто И. Орловский. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин. «Смоленская старина», Смоленск, 1909, стр. 197.

²⁸ М. А. Максимович. Ук. соч., стр. 336.

²⁹ Там же, стр. 335—336.

³⁰ Там же, стр. 337; см. также А. В. Стороженко. Ук. соч., стр. 31—32.

³¹ А. В. Стороженко. К истории местечка Борисполя Полтавской губернии. «Киевская старина», Киев, 1897, т. LVI, март, стр. 509—518; его же. Очерки Переяславской старины, стр. 24—30. Все дальнейшие ссылки — на последнее издание.

³² А. В. Стороженко. Ук. соч., стр. 25.

³³ Там же, стр. 25—26.

в нем была большая древняя каменная церковь во имя св. Глеба мученика, другого сына царя Владимира; ее разрушили ляхи и увезли ее камни, дерево и железо в Киев, где выстроили из них большую новую церковь, о коей мы раньше упоминали, но с ней им не посчастливилось...»³⁴.

IV

Село Борисполь вплоть до недавнего времени не привлекало серьезного внимания археологов, хотя еще в самом начале XIX в., значительно ранее опубликования упомянутого выше архивного документа, с Борисполем была связана одна из первых находок серебряников Владимира с надписью «Владимир на столе, а се его серебро»³⁵.

В середине XIX в. при постройке новой церкви Бориса и Глеба в Борисполе был открыт фундамент из дикого камня какого-то древнего храма³⁶.

В 1925 г. в Борисполе были произведены небольшие разведочные раскопки. В четырех траншеях, заложенных вдоль Михайловского переулка, соседнего с Борисоглебской церковью, у южной апсиды и во дворе церковной усадьбы были обнаружены наряду с многочисленными вещами XVII—XVIII вв. и вещи «великокняжеской» поры, в частности, обломки шифера, керамика, шиферные пряслица и др. В траншее, заложенной в Михайловском переулке, на глубине 2,45 м открыты следы пожара (слой угля, золы, обожженной земли) и остатки фундамента какой-то постройки, сложенного из больших камней красного песчаника. Ввиду незначительности раскрытой площади план и характер этой постройки не были выяснены.

В августе 1950 г. Киевской экспедицией ИИМК АН СССР, при участии Государственного Эрмитажа, под руководством автора настоящей статьи на территории Борисполя были произведены раскопки разведочного характера.

Церковь, выстроенная в XIX в. на месте древних фундаментов, разобрана в 1930-х годах. Раскопки были крайне затруднены мощным слоем строительного мусора, а также тем, что значительные части фундаментов этой постройки остались невыбранными. На месте разобранной церкви XIX в. удалось обнаружить лишь очень плохо сохранившиеся следы древнего храма. При закладке глубоких фундаментов новой церкви были, повидимому, почти полностью уничтожены не только остатки стен и фундаменты древнего храма, но в значительной мере и фундаментные рвы, которые удалось проследить лишь на незначительных участках.

Разведочные раскопы на площади новой церкви и ее окружения привели к заключению, что восстановить план древнего храма невозможно. Площадь древнего храма, повидимому, была меньше, вследствие чего все его части оказались внутри габаритов новой церкви и были в основном разрушены. Однако и разрушенные, смещенные с первоначального места части здания, в изобилии обнаруженные раскопками, представляют значительный интерес для реконструкции древнего архитектурного облика мономаховой божницы.

В огромном количестве найдены блоки разбитой бутовой кладки фундаментов из очень хрупкого, легко рассыпавшегося песчаника серого или

³⁴ Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в полов. XVII в., вып. IV. М., 1898, стр. 189—190.

³⁵ П. Кеппен. Список русским памятникам. М., 1822, стр. 2; «Труды Московского Об-ва истории», т. III, кн. 1, стр. 198.

³⁶ А. В. Богданович. Сборник сведений о Полтавской губернии. Полтава. 1877, стр. 151.

бурого цвета. Сделана она была на растворе извести с примесью речного песка.

Характерная особенность состава известкового раствора в фундаментных частях Летской божницы — полное отсутствие цемьянки (толченого кирпича) — не является неожиданной. Среди памятников киевского зодчества второй половины XI в., тщательно исследованных нами за последние годы, эта своеобразная черта строительной техники встречена дважды. Наличие фундаментов, сложенных на растворе извести с примесью речного песка (без добавки цемьянки), установлено раскопками собора Выдубицкого монастыря³⁷ и развалин храма Бориса и Глеба в Вышгороде³⁸. Фундаменты этого типа резко отличаются своим серым цветом, отчасти напоминающим цементный раствор, от розовато-кремовых растворов извести с цемьянкой, столь характерных для построек домонгольской поры киевского зодчества.

Особый интерес вызывает вопрос о технике кладки стен мономаховой божницы. Нужно вспомнить, что постройка храма относится к 1117 г., т. е. к той поре киевского зодчества, когда старую технику смешанной кладки («opus mixtum») сменяла новая техника равнослойной кирпичной кладки. Большое значение для истории киевского строительного искусства представляет решение вопроса — когда древняя техника, характерная для построек X—XI вв., окончательно уступила свое место новой технике равнослойной кирпичной кладки. До настоящего времени мы располагаем точно датированными памятниками, выстроенными в новой технике, лишь начиная с 30—40-х годов XII в.

К сожалению, мономахова божница на Лыте не дала бесспорных данных о характере кладки. Среди многочисленных строительных материалов не удалось найти ни одного крупного блока кладки стен.

Кирпичи, найденные в значительном количестве в развалинах божницы, относятся к двум различным типам. Преобладают плоские прекрасного обжига кирпичи, толщиной 3—3,5 см³⁹; однако наряду с ними встречается и другой тип, толщиной около 5 см. На многих кирпичях сохранились куски приставшего к ним известкового раствора с примесью цемьянки. Как и в отмеченных выше двух других постройках XI в., известковый раствор без примеси был применен в Летской божнице только в бутовой кладке фундаментов, тогда как в кладке стен использован раствор с цемьянкой.

Наряду с обломками кирпичей найдены характерные небольшие, обработанные в виде продолговатых брусков блоки песчаника, на которых местами сохранились куски приставшего к ним известкового раствора с примесью цемьянки, что свидетельствует о применении их в кладке стен, а не фундаментов. Какую роль играли эти бруски и, в частности, не представляли ли они рядов, чередовавшихся с рядами кирпича, — установить не удалось.

Среди строительных материалов, найденных в развалинах божницы, необходимо также отметить крупные куски шиферных плит, обломки квадратных керамических половых плиток, покрытых одноцветной полизой (12 × 12 × 1,5 см), куски известкового раствора с примесью цемьянки и незначительные фрагменты штукатурки с фресковой росписью. Следует упомянуть также о больших кусках свинцовой кровли, расплавившейся от пожара, и осколки круглых оконных стекол. В завале строительных остатков божницы были найдены обломки древнего бронзового колокола, несомненно, принадлежавшего когда-то храму.

³⁷ М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева (1938—1947). Киев, 1950, стр. 156.

³⁸ М. К. Каргер. Вышгородский храм-усыпальница Бориса и Глеба. СА, т. XVI.

³⁹ Ввиду того, что среди найденных при раскопках строительных материалов целых кирпичей не было, установить их размеры не представляется возможным. Узкая сторона кирпича 21,5 см.

Разведочными раскопами, заложенными к югу от развалин храма, обнаружен глубокий ров, повидимому, ограждавший некогда укрепленный двор Владимира Мономаха на Лыте. Никаких следов древних жилых или хозяйственных построек найти пока не удалось.

V

Несмотря на то, что раскопками обнаружены лишь жалкие обломки Летской божницы Мономаха, не дающие возможности реконструировать архитектурный облик этого любопытного памятника в целом,— все же и те материалы, которые собраны в результате тщательных наблюдений в процессе раскопок, безусловно, вносят ценные новые черты в характеристику киевского зодчества первой четверти XII в.

Летская божница принадлежала, повидимому, к тому типу малых каменных храмов, поиски которого киевские зодчие начали в ту пору, когда в официальной, парадной архитектуре еще господствовали монументальные сооружения, продолжавшие и развивавшие архитектурные традиции середины и второй половины XI в. Наряду с монументальными сооружениями, типичными для официального строительства внуков и правнуков Ярослава, в зодчестве конца XI и начала XII в. может быть прослежена вторая линия, характерная для частного, вотчинного строительства, памятники которого дошли до нас в очень незначительном количестве.

Именно к этому типу малых, скромных по своему облику построек княжой вотчины необходимо отнести известную Остерскую божницу Михаила, которую до последнего времени было принято связывать, без особых к тому оснований, со строительной деятельностью Юрия Долгорукого и тем самым относить ее к середине XII в. В действительности этот своеобразный скромный храм, несомненно, принадлежит к числу построек Владимира Мономаха, о чем убедительно свидетельствует типичная для XI в. кладка стен в технике «opus mixtum». Хорошо известная историческая судьба Остерского городка, столь часто упоминаемого в летописи, отнюдь не противоречит высказанным здесь соображениям. Хотя прямых известий о постройке Остерской божницы нет, но летописное сообщение под 1098 годом о закладке Владимиром Мономахом города «на Вьстри»⁴⁰, повидимому, может служить указанием и на время постройки храма.

Нельзя не отметить, что и фресковая роспись, сохранившаяся до наших дней в апсиде Остерского храма, обнаруживает немало архаичных черт, которые не позволяют отнести ее к середине XII в. Особенно ярко связь с более ранними памятниками монументальной живописи Киевской Руси сказывается в орнаментальных мотивах остерской росписи. Совершенно справедливо исследователь этих фресок Н. Макаренко утверждал, что вся орнаментальная роспись божницы «и в своих основных чертах, и в мельчайших деталях, до колорита включительно, имеет ближайшие аналогии в таких же росписях Киево-Софийского собора»⁴¹.

Н. Макаренко колебался в уточнении даты Остерской божницы. Ошибочно полагая, что технические особенности кладки стен храма характерны для древнерусских каменных построек всей «дотатарской эпохи» в целом, он относил постройку храма к периоду от 1098 до 1152 г., считая его сооружением либо сына Владимира Мономаха, суздальского князя Юрия Долгорукого, называвшего церковь своей божницей [«оже есте мои Городецъ пожгли (и божницу), то я ся тому отожду противу...»], либо сооружением

⁴⁰ «Того же лета заложи Володимер Мономах город на Вьстри». Ипат. лет. под 6606 (1098) годом.

⁴¹ Н. Макаренко. Древнейший памятник искусства Переяславского княжества. «Сборник статей в честь гр. П. С. Уваровой», М., 1916, стр. 400.

Владимира Мономаха, построившего церковь одновременно с устройством Городца в 1098 г.⁴²

В более поздней статье, посвященной фресковой росписи Остерской божницы, Н. Макаренко повторил дословно изложенные выше соображения относительно датировки храма, однако высказался более решительно в пользу принадлежности божницы к числу построек Юрия, отнеся ее ко времени между 1120 и 1152 гг.⁴³

Летская божница, выстроенная Владимиром Мономахом, вероятно, несколько позже Остерской, быть может, повторяла ее по своему общему облику. Обе постройки, близкие по своему назначению («храм загородная княжая вотчина»), вероятно, схожие и по архитектурному облику, не случайно были известны современникам под аналогичными названиями «божниц».

⁴² Н. Макаренко. Ук. соч., стр. 403.

⁴³ М. Макаренко. Старгородська божниця та її малювання. Чернигія і північне лівобережжя. Київ, 1928, стр. 206.